
Вересаев В.В. Избранное: [Для ст. школ. возраста. /Сост. П.З.Шевцов].
Мн.: Нар. асвета, 1980. - 398 с.
OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru, <http://zmiy.da.ru>), 06.01.2005

В сборник вошли лучшие повести и рассказы Викентия Викентьевича Вересаева: "Без дороги", "На повороте", "Два конца", "Лизар", "В сухом тумане", "На эстраде" и др.

Большая зала была ярко освещена. На широкой эстраде, за столиком с двумя свечами, сидел писатель Осокин и, напрягая слабый голос, читал по книге отрывок из своего рассказа. Зала была переполнена публикой, но в ней было тихо, как в безветренную сентябрьскую ночь в поле. Когда Осокин отводил взгляд от книги, он видел внизу смутное море голов и сотни внимательных глаз, устремленных на него...

Осокин был бледен. Читал он неразборчиво и плохо, и на душе у него было странно: он читал самое задушевное и дорогое для него из всего, им написанного; перед ним живьем находился тот невидимый, далекий читатель, которого ему так всегда хотелось увидеть; а между тем то, что читал Осокин, в его собственных ушах звучало чуждо и фальшиво, а слушатели казались совсем не теми читателями, для которых он писал.

Ему все больше хотелось поскорее кончить. Он стал пропускать одни фразы, комкать другие. Вот, наконец, абзац, отчеркнутый синим карандашом...
Конец!

Осокин закрыл книгу и встал. Море голов сразу всколыхнулось, со стен и с потолка с оглушительным треском как будто посыпалась штукатурка: это загремели рукоплескания. Осокин неуклюже поклонился и, кусая губы, с бледным, злым лицом, вышел через маленькую дверцу в "артистическую".

Из залы неслись рукоплескания. Перед зеркалом молодая декольтированная дама, которой предстояло петь после Осокина, дрожащими от волнения руками оправляла прическу. Отыгравшая уже толстая дама-пианистка внимательно смотрела на Осокина. За столом с закусками распорядители угощали и занимали артистов и артисток.

Господин средних лет, с черною бородкою и в золотом пенсне, подхватил Осокина под руку и, оживленно говоря что-то, сел с ним на диван. Осокин не знал, где и когда познакомился с господином, но тот держался с ним как хороший знакомый.

- С успехом!.. Вот это так успех! - говорил господин. - Слышите, как беснуются? Никому так не хлопали!.. Нужно выйти, раскланяться.

- Ну их к черту! - сердито ответил Осокин.

- Нельзя, Сергей Васильевич, нельзя! - произнес господин с улыбкою, с какою обращаются к милым, но ничего не понимающим детям. - Как-никак, а нужно уважать публику.

В артистическую вбежал распорядитель с розеткою в петлице.

- Всё вас зовут, кричат! - с почтительною улыбкою обратился он к Осокину.

- Пускай! Я не пойду! - упрашивающе сказал Осокин.

- Нет, нет, нет! Нельзя, никак нельзя! - неумолимо воскликнул господин в пенсне, шутливо взял Осокина под руку и заставил его встать.

Распорядитель приятно и почтительно улыбался.

- Барышни всю воду распили по глоткам из стакана, из которого вы отхлебнули во время чтения, - сказал он.

- Вот бабье! - презрительно усмехнулся Осокин, и углы его губ самодовольно задрожали.

Он вздохнул и пошел на эстраду. Зала загремела и заревела. Публика покинула места, теснилась вокруг эстрады и на самой эстраде. При входе Осокина толпа раздалась. Он видел вокруг свежие девические лица с устремленными на него блестящими, восторженными глазами.

- Осо-о-окин! Bis!! - зычным басом кричал высокий студент, старательно и оглушительно-громко хлопая в ладоши.